

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АКСИОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ*

А.А. Оносов¹, А.Т. Гаспаришвили¹, К. Шафранец²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

²Университет Николая Коперника
Фоса Старомейска 1а, 87-100 Торунь, Польша
(e-mail: o.ksandr@yandex.ru, gasparishvili@yandex.ru,
krystyna.szafraniec@umk.pl)

Статья основана на анализе эмпирических данных, полученных в ходе инициативного проекта, нацеленного на изучение миграционной ситуации в России. В рамках комплексного исследования для столичного региона — Москвы и Подмосковья — в статистическом виде и экспертных суждениях была выражена актуальная система ценностей, характерная для русского этноса, описана иерархия жизненных установок его представителей. В статье представлено социологическое описание содержания и уровней системы ценностей, наиболее значимых для русских; исследуется ее структурирующая функция в сознании русского этноса. Выяснение очертаний идентичности коренных жителей московского региона — в том виде, в каком она ими осознается — предваряется анализом социокультурной среды столичной агломерации. В ходе количественного исследования использовался расширенный набор критериев оценки идентичности, включающий помимо системы ценностей респондентов их личные жизненные установки. Авторы полагают, что *культурная* модель русской идентичности способна создать более широкое и вариативное поле социальных отношений для неконфликтного, конструктивного этнического взаимодействия русских с другими народами, чем модель *этнонациональная*. При этом оговаривается отличие культурной модели русской идентичности от западной модели мультикультурного многоконфессионального общества, уже обнаружившей свою недееспособность в кризисных условиях современности. Современный ценностный ландшафт русского населения московского региона выражает наряду с необходимостью сохранения традиционных черт русского характера, стремление к утверждению ценностей гражданского общества. Исходя из полученных данных, авторы обосновывают предположение, что в современной России *этническая идентичность* русского населения сосуществует с усиливающейся *гражданской идентичностью* на основе соответствующих ценностей и объединяющих идей и целей. Статья направлена на углубление и детализацию понимания этнической идентичности русских и коммуникативного потенциала культурной модели идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность; русский этнос; система ценностей; жизненные установки; культурная модель идентичности; общественное сознание; социологическое исследование; общественное мнение, экспертный опрос

Формирование этнической идентичности является одним из самых сложных и болезненных процессов в развитии общества и государства. Многие масштабные конфликты были связаны с противоречивым характером формирования идентич-

* © Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т., Шафранец К., 2018.

ности, и в то же время сами становились акселераторами этого процесса. Проблема этнической самоиндефикации русских не нова, она в той или иной степени остроты сопровождает историю нашего государства. Сегодня эта проблема стоит особенно остро в связи не только со становлением новой российской государственности после распада Советского Союза, но и с характерными для современного мира процессами, такими как массовая трудовая миграция из-за рубежа.

В последние годы интерес к проблеме идентичности в научном сообществе заметно вырос. Этой теме посвящаются научные статьи [7; 77] и монографии [2; 8; 10]. Обсуждение вопросов, связанных с формированием национальной и этнической идентичности, ведется на площадках интернет-форумов [9] и научных конференций [1; 4]. В рамках исследовательского проекта коллективом ученых МГУ имени М.В. Ломоносова было осуществлено комплексное — количественное и качественное — социологическое изучение основных характеристик идентичности русского населения московского региона. В результате методами описательной статистики и экспертного анализа была выявлена и структурирована актуальная система ценностей, характерная для русского этноса, эксплицирована иерархия основных жизненных установок его представителей.

Эмпирическое описание процесса *этнизации массового сознания русских*, основные характеристики их *идентичности* в этническом, гражданском и религиозном измерениях представлены в отдельных статьях [5; 6]. Данная работа направлена на углубление и детализацию понимания этнической идентичности русских, аргументирование культурной модели русской идентичности и выяснение ее коммуникативного потенциала в системе межэтнических и межнациональных отношений.

Вопросы самоидентификации русского этноса традиционно порождают сложное, исторически многосвязное, отчасти даже мистифицированное концептуальное пространство, и потому требуют деликатности в обсуждении. Конфигурация и актуальное содержание этого пространства представлений лабильны, неизбежно реагируют на текущую социально-политическую, экономическую и социокультурную динамику, воспринимаемую в долгосрочном и широкоформатном историческом контексте. Исходя из этого выяснение очертаний идентичности коренных жителей московского региона — в том виде, в каком она осознается самим русским населением — целесообразно предварить анализом социокультурных параметров столичной агломерации.

КАЧЕСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РУССКИХ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Из опыта социологических исследований хорошо известно, что восприятие и переживание текущей жизненной ситуации, определение статуса и самоидентификация зависят от качества жизни и социального самочувствия [12]. В системе индикаторов, характеризующих социальное самочувствие, один из важнейших —

оценка респондентом *изменений экономической ситуации в регионе и собственного материального положения* [см., напр.: 3]. В соответствии с методологией количественного исследования сравнительные оценки строились в двух направлениях: *ретроспективном* — за минувшие пять лет, и *перспективном* — через предстоящие пять лет. Такие сопряженные временные ряды оценок задают более точное измерение динамики материального положения, причем в контексте определяющих тенденций экономического развития всего региона.

Полученные распределения свидетельствуют, что по этим показателям социальное самочувствие русского населения московского региона, во-первых, нельзя назвать благополучным, во-вторых, оценочный скепсис респондентов с уклоном в открытый негатив имеет устойчивый тренд: примерно 56—58% жителей Москвы и области ощущают, что и экономика региона, и их достаток не только стали хуже за последние пять лет, но и продолжат ухудшение теми же темпами в ближайшие пять лет (рис. 1). Даже доля тех, кто оценивает ситуацию как стабильную, не обнадеживает: лишь треть (34—36%) не испытали заметных изменений в прошлом, и четверть (23—25%) рассчитывает на сохранение status quo в экономике региона и на удержание своих материальных позиций в будущем. На этом тревожном фоне не удивительно, что группы оптимистов с положительными оценками экономической динамики немногочисленны (6—9%). Данные слабо дифференцированы по основным социально-демографическим признакам. Позитивная динамика в большей мере свойственна жителям Москвы, чем области, но и она сходит «на нет» в оценках личного благополучия на следующую пятилетку.

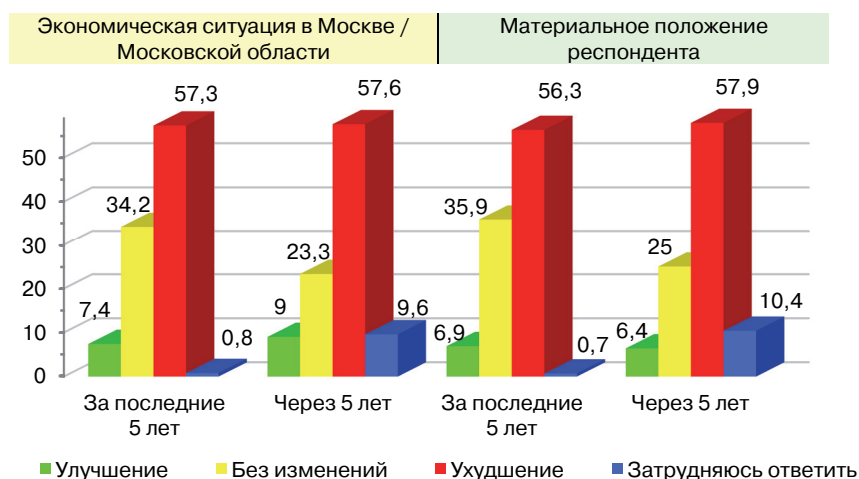

Рис. 1. Оценки ситуации (в %)

Другая грань социального самочувствия, служащая необходимым фоном для самовосприятия и идентификации представителей русского этноса в московском регионе, — оценка состояния российской культуры в сравнении с образцами прежних лет. Сегодня такой фон нельзя назвать благоприятным (рис. 2).

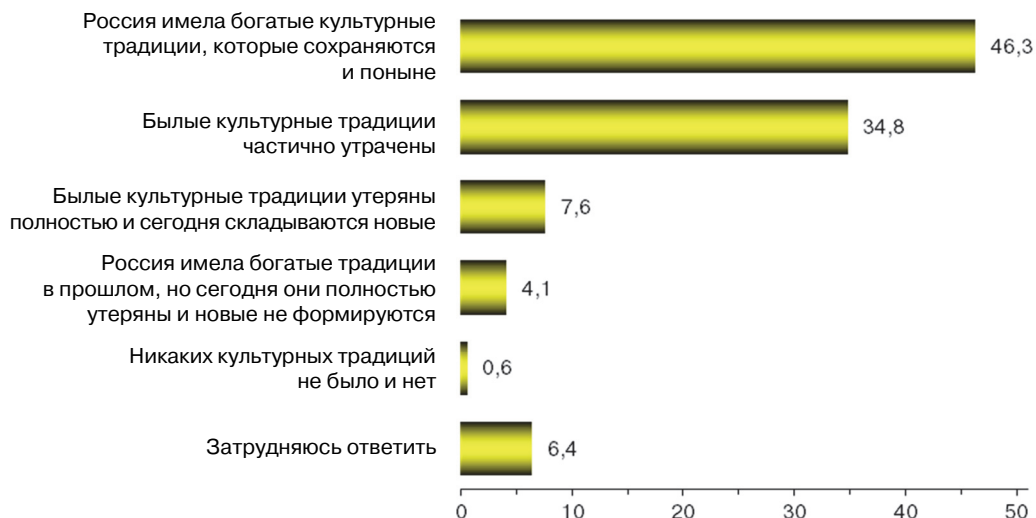

Рис. 2. «Что Вы можете сказать о культурных традициях России?» (в %)

Оценивая актуальные культурные традиции русского этноса и российского социума в целом, менее половины опрошенных (46,3%) убеждены, что Россия в полном объеме унаследовала и бережно сохраняет богатые традиции прошлого. Треть (34,8%) считает, что часть былых традиций утрачена, а еще 7,6% констатируют полную утрату культурного многообразия исторической России, но при этом полагают, что идет становление новых, отвечающих текущей динамике, традиций. Наконец, еще одна группа, балансирующая на грани статистической незначимости (4,1%), уверена, что взамен ранее традиционной культуры новая не возникает. Можно резюмировать, что 81,1% признают действенными культурные традиции в большем или меньшем их объеме. Напротив, считают их полностью утраченными 11,7%. При этом о культурной аномии сегодняшнего дня, о культурной неопределенности российского общества говорит почти каждый двадцатый (4,7%) представитель русского населения московского региона. И выявленная структура оценок с некоторыми колебаниями воспроизводится в большинстве основных групп опрошенных: мужчины демонстрируют чуть большую уверенность в незыблемости культурной основы общества, чем женщины; люди с высшим образованием чаще говорят о том, что с некоторыми потерями российская культура все же сохраняет актуальность и продолжает свою миссию в современных условиях.

Проявляющийся социокультурный узор, формируемый жителями московского региона из числа русских, дополняется еще одним паттерном, помогающим выстроить систему измерений этнической идентичности. Таким калибровочным вопросом может служить отношение к распаду СССР, на просторах которого декларировалась номинальная дружба народов, а явления массовой миграции и столкновения этнокультурных стереотипов не были известны в тех формах, в которых характерны для современной России. На вопрос о распаде Советского Союза, за последнюю четверть века растерявший свою *политическую* важность,

но продолжающий сохранять культурную значимость — как исторически, для понимания судеб страны, так и психологически, для сохранения идентичности, особенно для старших поколений, — большинство опрошенных (64,3%) ответили, что сожалеют о распаде СССР, причем половина из них до сих пор не смирилась с таким обрывом истории большой страны. Каждый четвертый-пятый (22,3%) не переживает по этому поводу, а 12,8% предпочитают не задумываться на эту тему, и чаще других это, естественно, представители постсоветского поколения (рис. 3).

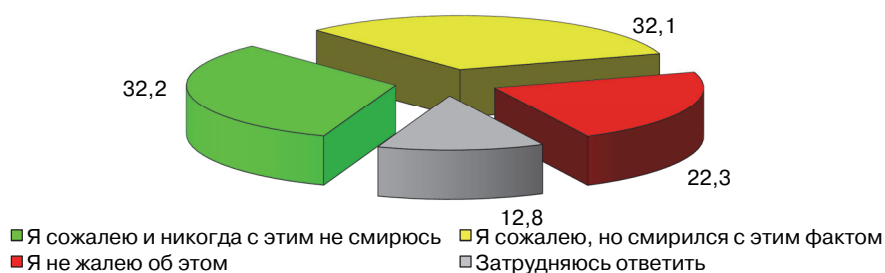

Рис. 3. «Как Вы относитесь к распаду СССР?» (в %)

Возвращаясь к реалиям современной России и учитывая исторический урок СССР, участники опроса имели возможность выразить свое мнение по поводу критических социальных процессов, представляющих прямую угрозу безопасности России как государству. Подобная информация способствует более глубокому и полному раскрытию «дрейфа» идентичности, пониманию содержательных акцентов в самовосприятии русского населения региона в контексте мировых событий. В предложенном респондентам перечне негативных процессов и явлений, создающих угрозу безопасности России, наиболее значимым, ушедшим в отрыв от остальных тревог и опасений, оказалось *избыточное количество мигрантов*, которое выводит проблему миграции на государственный уровень. Такова оценка более половины (58,5%) опрошенных, которые в повседневном бытийном аспекте выступают, по сути, в качестве стихийных экспертов. По своей злободневности эта угроза оказалась для москвичей даже более важной, чем метастизирующая во все уровни государственной власти *коррупция* (42,2%). Вровень с последней идет и прямая агрессия в виде *международного терроризма* (41,6%).

Пожалуй, впервые в практике социологических исследований последних лет зафиксирован столь высокий и беспрецедентный для современной России уровень тревоги, обусловленной миграционной волной. Под ее натиском утратили свой традиционный накал такие психологически окрашенные страхи, как *бедность* (16,1%), призрак нового *экономического кризиса* (10%) и социально значимый по своим последствиям *отказ от демократии* (9,4%).

Острота восприятия данной угрозы жителями региона определенным образом зависит от некоторых социально-демографических характеристик. Так, респонденты, не исповедующие какую-либо религию, чаще предъявляют «черную метку» миграционной угрозы (55,1% среди верующих и 78,6% среди атеистов). Она также вызывает большее беспокойство у людей со средним уровнем доходов (64,1%),

нежели у респондентов с высоким или низким достатком (49,4 и 41,1%, соответственно). Для последних более значима проблема коррупции, которая представляется им главной угрозой для целостности России. Что касается состоятельных граждан, то, очевидно, они имеют возможность нивелировать дискомфорт, вызванный трудовой миграцией в регион, а возможно именно ей и обязаны своим материальным благополучием.

Коррупция как общенациональная государственная угроза тоже неодинаково воспринимается в отдельных социально-демографических группах. Относительно большую озабоченность по поводу этого социального зла высказывают мужчины (46,3%, среди женщин — 39%), верующие (46,3%, среди «агностиков» — 20,6%) и, как уже отмечалось, люди с низким уровнем доходов (53,4%). Угрозу международного *терроризма* сильнее ощущают в области, чем в Москве (46,1 и 38,7%, соответственно), «воцерковленные» граждане (52,4%). Для обеспеченных людей терроризм — главная, наиболее серьезная угроза государству (51,8%). Некоторые позиции из «тревожного рейтинга» имеют своих адресных выразителей, например, *преступность* больше тревожит людей с невысокими доходами (37%) и среднего возраста (31,5%). На возможности *утраты национальной самобытности* чаще указывают мужчины, чем женщины (20,2 и 14% соответственно).

Максимально обобщая *экспертные оценки*, можно сказать, что у специалистов, привлеченных к описываемому социологическому исследованию, наибольшие опасения вызывают перспективы возможной *децентрализации России* и даже *распада государства* (эксперты сравнивают возможную ситуацию с распадом СССР). Данные угрозы возникают под воздействием множества факторов, которые условно можно разделить на следующие группы: внешнеполитические факторы; культурный упадок; межэтнические конфликты; демографические проблемы; внутривнутриполитические проблемы.

Говоря о внешних факторах, которые могут угрожать существованию государства и представлять угрозу национальной безопасности, эксперты отмечают необходимость обеспечения информационной безопасности в условиях риска формирования однополярного мира, когда, с одной стороны, США взяли на себя роль «мирового жандарма», а с другой стороны, отмечается постоянное давление Китая. «*Агрессивность мусульманского юга*», проникновение на территорию России «*радикальных мусульманских учений*», «*этнический сепаратизм, поддерживаемый из-за границы*» — все это, по мнению экспертов, может нести угрозу российской государственности.

Ряд экспертов выделяют в качестве опасной тенденции снижение общего культурного уровня населения, утрату *русскости*, «*потерю языка*». С другой стороны, подчеркивается, что упор на *этническую* идентификацию тоже угрожает целостности России, так как ослабляет общенациональное единство, превращая его в неустойчивую и необязательную ассоциацию в постоянно меняющемся пространстве частных интересов. В этой связи отмечается необходимость укрепления *гражданской* идентичности, основанной на культурно-идеологическом воспитании и понимании общности исторических целей всех представителей полиэтнического и мультикультурного суперэтноса России. Какие бы вызовы

государство ни встречало, какие бы проблемы перед обществом ни возникали, национальное единство и сплоченность граждан должны быть императивными требованиями постояннодействующей идеологии современной России — таков «программный» вывод экспертного сообщества.

Этнизация сознания народов России, по мнению ряда экспертов, представляет угрозу для целостности страны. Речь в том числе идет и о «*национальном эгоцентризме русских*», сформированном на основе образа врага и угрожающем привести в перспективе к «*русскому сепаратизму*». Так, при постоянном нарастании этнического дисбаланса коренного населения и приезжих возникает серьезная опасность обострения и эскалации межэтнических конфликтов, поводами для которых могут служить разные, иногда случайные обстоятельства.

Снижение общего уровня образования, профессиональная деградация, отсутствие возможностей для самореализации большей части населения, дефицит опытных кадров в сфере управления — все эти явления ведут к упадку в экономической сфере, что усиливает социальное расслоение, рождает недоверие к успешным и богатым людям, склонным к созданию «запасного аэродрома» в благополучных странах, питает ощущение несправедливости, распространяет «бедность большинства» и, как следствие, алкоголизм, социальную девиацию и т.п. При этом эксперты отдельно отмечают критическую демографическую ситуацию в России, грозящую серьезными рисками для сохранения суверенитета страны: ей, по мнению ряда специалистов, угрожает утрата понимания своего места в мире, а русскому народу — физическое вымирание.

Эксперты обращают внимание на то, что сегодня в стране практически отсутствуют общенациональные лидеры от гражданского общества — узнаваемые, авторитетные, способные политически стимулировать государство на решение острых проблем согласно стратегическим целям страны. Эту роль не способны играть и представители разных российских элит. Более того, возобладавший меркантилизм, стремление к личному обогащению не только денационализируют политическую и экономическую элиту, но и формируют на ее основе класс людей, для которых их историческое происхождение и территориальная «привязка» не имеют решающего значения: их пребывание в России, публичная и деловая активность в стране, позиционирование себя как ее гражданина и представителя местного населения нередко обуславливается лишь соображениями выгоды. Наибольшую опасность эксперты видят в том, что к власти, к руководству развитием страны приходят люди, у которых отсутствует гражданская, общественно-историческая и отчасти даже этническая самоидентификация.

Таков в отдельных чертах социокультурный, экономический и политический контекст самоопределения и этнической идентификации русского населения московского региона.

КОМПОНЕНТЫ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Необходимость вычленивать и идентифицировать объективные основы «*русскости*» в большинстве случаев вынуждает экспертов оперировать такими атрибута-

ми, как *культурная* и *этническая* («кровнородственная»). В целом такой подход согласуется с известными моделями *национализма* в их современном оформлении и толковании. *Этнический подход* предполагает признание первостепенной важности «родовых корней», преемственности генетических качеств — в той мере, в какой необходимо, чтобы представители этноса не переставали считать себя и своих соплеменников русскими. *Культурный подход*, который сегодня доминирует, выражается следующим принципом: чтобы быть русским (по собственным ощущениям и по восприятию других), необходимо *владеть русским языком*, быть *причастным русской культуре*, в частности, через фольклор и классическую литературу, *знать историю России*, и *чувствовать себя русским*, проявлять «*архетипическую*» русскость в актах мышления и поведения. Названные подходы могут проявляться и в методологически чистом виде и, чаще, в комплексных, смешанных вариантах — когда в качестве критериев «русскости» эксперты указывают обязательные признаки, характерные для обоих подходов. Однако доминирование культурной модели русской идентичности актуализирует необходимость рассмотрения этнической идентичности в иных аспектах, выявленных в ходе количественного исследования, в том числе с точки зрения базовых ценностей, определяющих содержание «русскости».

Для понимания этнической идентичности русских важно представлять систему ценностей, принятую в русском этносе и структурирующую его общественное сознание. Совокупность выделенных в ходе социологической экспертизы наиболее значимых для русских ценностей может быть разделена и затем сгруппирована по признаку их специфичности/всеобщности. Первую группу составляют *неспецифические всеобщие*, или *европейские городские ценности*. Это базовые и очень простые ценности, в которых действительно нет ничего специфически русского: индивидуализм; карьера; личный успех и благополучие; мир; стабильность; семья (ряд экспертов отнес семью к *общечеловеческим* ценностям, другие атрибутировали ее в качестве исключительно *русской* ценности). По содержанию это ценности развитого городского общества, отчетливо выраженные в урбанистических центрах европейских стран: хороший дом, хорошая работа, хорошая семья, достаток и карьера.

Вторая группа объединяет ценности, определяемые как *специфически русские*: общинность, справедливость; нравственность; история народа и государства, история России; православие; патриотизм, державность; жертвенность; духовность, стремление к метафизическому абсолюту.

Учитывая, что эксперты определяют русскую идентичность как преимущественно *культурную*, а определяемые ею ценности, в том числе *специфически русские* (за исключением некоторых, например, истории России, державности, православия, стремления к метафизическому абсолюту), в большей или меньшей степени присущи и другим культурам, представленная содержательная модель русскости обладает высоким потенциалом для реализации *неконфликтного межэтнического взаимодействия* русских с другими этно-национальными общностями. Вопрос эффективности подобного взаимодействия упирается

в валидность экспертных оценок, их соответствие представлениям населения о ценностном содержании «русскости», а при более детальном анализе — в вопрос о степени взаимной референтности взаимодействующих культур, близости национальных культурных стандартов. Последнее обстоятельство требует не только выяснения аксиологической конфигурации «русскости», но и учета ценностных основ иных национальных типов этнической идентичности.

Что касается ценностей и смыслов, задающих обобщенный образ «русского» в сознании русского населения московского региона, то целесообразно снова опереться на эмпирические данные. В ходе количественного исследования использовался расширенный набор критериев, включающий помимо *системы ценностей* респондентов и их личные *жизненные установки*. Полученные данные свидетельствуют, что сегодня лишь одну ценность можно принимать как достаточно общую: 50,4% жителей московского региона из числа русского населения «высшим благом» признают *закон и порядок*; вторая по значимости ценность — *мир* — разделяется меньшим числом опрошенных (43,6%); третья позиция принадлежит *терпимости* (39,3%), *права человека и личная свобода* набрали около трети сторонников (30,1%) — таковы высшие приоритеты. Ценности следующего блока объединяют четвертую-пятую часть опрошенных: это *равенство* (23,7%), *экономическая мощь страны* (23,4%), *солидарность* (21,8%), бережное отношение к *культуре и природе* (21,8% и 21%). Примечательно, что декларируя общую терпимость (39,3%), респонденты в 2—3 раза реже готовы проявлять ее — как *уважение к различным культурам и религиям* (14,4% и 10,1%, соответственно). *Демократия* в нынешних социально-политических реалиях представляет ценность лишь для седьмой-восьмой части русского населения (13%).

Представленное распределение дифференцировано по некоторым социально-демографическим признакам, наиболее заметно — по возрасту и религиозности. Так, принцип *законности* активнее других отстаивают 30—39-летние (54,5%), они же демонстрируют бóльшую *миролюбивость* (51,3%), стремление к соблюдению *прав и свобод* (34,2%) и к утверждению *равенства* (27,8%). При этом для них в меньшей степени, чем для других возрастных групп, значима *терпимость*. Последняя как ценность чаще декларируется в молодежной среде (42%), а представители группы 40—49 лет наиболее заинтересованы в *солидарности* (31,1%). Верующие, как правило, занимают более активную позицию в признании большинства ценностей, чем атеисты, и лишь в вопросе солидарности и защиты окружающей среды уступают им.

Таким образом, результаты опроса убеждают, что такие ценности, как *уважение к разным культурам, демократия и уважение к разным религиям* имеют невысокий ценностный статус, что способно снизить коммуникативный потенциал *культурной модели русской идентичности*. Однако, несмотря на «заземление» в русском сознании столь принципиально важных, особенно для западных стран, ориентирующихся на мультикультурное, многоконфессиональное или вовсе безконфессиональное гражданское демократическое общество, понятий, все же даже в первом приближении можно прогнозировать, что культурная модель

идентичности создает более широкое и вариативное поле социальных отношений для неконфликтного и конструктивного этнического взаимодействия русских с другими народами, и в этом смысле она более адекватна, чем модель *этнонациональная*.

Итак, современный ценностный ландшафт русской Московии свидетельствует, что наряду с традиционно признаваемыми чертами русского характера — *миролюбивостью, терпимостью* — население московского региона с не меньшей, хотя и невысокой настойчивостью стремится к утверждению ценностей гражданского общества, таких как *законность, личные права и свободы, равные возможности для всех*, притом что политическое оформление и реализация этих ценностей может, в представлении опрошенных, и не совпадать с демократией. Практика мультикультурного и многоконфессионального социума, не получая явного одобрения напрямую, тем не менее, может иметь место благодаря терпимости и уважению личных свобод. В целом полученные данные могут служить эмпирическим основанием предположить, что в современной России, в ее столичном регионе, мотив *этнической идентичности* в сознании русского населения сопровождается нарастанием *гражданской идентичности* на основе соответствующих ценностей и объединяющих нацию идей и целей.

Конкретизируя личные жизненные приоритеты в обозначенных ценностных координатах, респонденты имели возможность выразить свое практическое кредо — к чему они считают необходимым стремиться в жизни. Главной и безусловной жизненной целью признается, с большим отрывом от остальных, *создание крепкой семьи* (83,7%). Следующими целями являются *материальная обеспеченность* и *предприимчивость*, служащие ориентирами для трети (примерно, 33—34%) респондентов. Примечательно, что эти ясные, отчетливо выраженные прагматичные устремления не сопровождаются столь же настойчивым желанием добиться *профессионализма*: такую цель ставят лишь четверть опрошенных (26%).

Полученное распределение обнаруживает некоторые структурные разломы: если первая тройка приоритетов нацеливает человека на благополучие преимущественно в *материальном* измерении, то следующие выражают *нравственные* устремления — это *справедливость, чистая совесть* и *дружба* (примерно, по 29—30%), а также *патриотизм* (28,3%). Такая безусловная витальная ценность, как личное *здоровье*, смещена в третий-четвертый эшелон жизненных целей: ее признает лишь каждый пятый (19,3%).

Представленная картина имеет достаточно устойчивый характер в разных группах. К ее особенностям можно отнести, что к материальному достатку более других стремятся люди предпенсионного возраста (50—59 лет), возможно, стараясь успеть обеспечить «достойную старость», тогда как молодежь пока меньше задумывается об этом (44,8% и 29% соответственно). Неслучайно и то, что для тех, кто стоит на пороге пенсии, профессионализм — третья по важности цель и стратегия жизни (33,6%), уступающая по значимости крепкой семье и материальному достатку.

Энергичность и предприимчивость менее актуальны для людей старшего поколения, уже вышедших на пенсию, и наиболее ценимы в среде тех, кто находится на пике профессиональной деятельности, — 40—49 летних (29,5% и 39,1% соответственно). Молодежь чаще, чем представители других возрастных групп, признает важность *быть патриотом* (31,6%), но не особенно настроена на *достижение профессионализма*. К этой же мысли подталкивает и другой факт: статус образованного человека малоценен в глазах молодежи (всего 12,4% на фоне в среднем 16,2% и 21,3% в старшей возрастной группе). Жители столицы отчетливо выражают стремление быть предприимчивым и справедливым, человеком с чистой совестью, профессионалом, тогда как для жителей области более значимы такие категории, как хороший семьянин, патриотизм, здоровье и уважение окружающих. Верующие люди демонстрируют в целом более высокий жизненный настрой, нежели респонденты, которые не относят себя ни к какой религии.

Такова эмпирически обоснованная *культурная модель идентичности русского населения* московского региона, полученная по результатам экспертизы этнизации массового сознания русских в Москве. Этническая идентичность — само явление и его познавательная модель — безусловно, подлежит дальнейшему изучению: разработке и уточнению ее базовых ценностей и коммуникативного потенциала методами количественного и качественного анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Дверницкий Б. Православие и самоидентификация русских в XXI веке // http://ruskline.ru/analitika/2015/03/04/pravoslavie_i_samoidentifikaciya_russkih_v_xxi_veke.
- [2] Матвеева А.И. Духовная социализация личности как социокультурная основа национальной безопасности России. М., 2017.
- [3] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [4] Научно-практическая конференция «Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции». 2018 // http://www.sociologos.ru/sobytiya_i_anonsy/Nauchno-prakticheskaya_konferenciya_Rossijskaya_gosudarstvennost_v_xxi_veke_1.
- [5] Оносов А.А., Гаспаршивили А.Т. Измерения идентичности русских: социологические оценки и гуманитарная экспертиза // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.
- [6] Оносов А.А., Гаспаршивили А.Т. Этнизация массового сознания русских в Московском регионе: экспертная оценка процесса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 3.
- [7] Полуяхтова С.В., Третьякова Е.С. Национально-культурная идентичность российской молодежи на рубеже веков // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2016. Т. 1. № 1.
- [8] Рассадина Т.А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М., 2004.
- [9] Самоидентификация русского народа. 2013 // <http://maxpark.com/community/13/content/2208004>.
- [10] Сергеев А.Л. Российская государственность в XXI веке. Основные проблемы. М., 2017.
- [11] Цеханская К.В. Глобализм и русская идея: к проблеме самоидентификации русского этноса // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. М., 2013. Вып. 8. Ч. II.
- [12] Sirgy M.J. The Psychology of Quality of Life. Kluwer Academic Publishers, 2010.

CULTURAL MODEL OF THE RUSSIAN IDENTITY: AXIOLOGY, SEMANTICS AND COMMUNICATIVE POTENTIAL*

A.A. Onosov¹, A.T. Gasparishvili¹, K. Szafraniec²

¹Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

²Nicolaus Copernicus University in Toruń

Fosa Staromiejska St., 1a, 87-100, Toruń, Poland

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru, gasparishvili@yandex.ru,
krystyna.szafraniec@umk.pl)

Abstract. The article presents empirical data of the project aimed at the study of the migration situation in Russia. The authors describe the current value system of the Russians and hierarchy of its basic life attitudes relying on both mass survey and expert estimates on the situation in Moscow and the Moscow Region. The article provides a sociological description of the content and levels of the system of values that are most important for the Russians; identifies its structuring function for the Russians' mass consciousness. Before focusing on the identity of the Moscow Region's natives (as it is perceived by the Russians), the authors consider the social-cultural situation in the metropolitan agglomeration. The quantitative sociological study relied on a wide set of criteria to study the identity, which included both the respondents' value system and their personal life attitudes. The authors believe that the cultural model of Russian identity is capable of ensuring a broader and more diverse field of social relations for a peaceful and constructive ethnic interaction of the Russians with other nations than the ethnic model. However, the cultural model of Russian identity differs from the Western model of multicultural and multiconfessional society, which has already proved its inefficiency under the contemporary crisis conditions. The value landscape of the Moscow Region's Russian population reflects both the necessity to preserve the Russian character's traditional features and a desire for values of civil society. The sociological data allow authors to argue that today the ethnic identity of the Russians interacts with the strengthening civic identity on the basis of relevant values and ideas and goals that unite the nation. The article aims at better understanding of the Russians' ethnic identity and of the communicative potential of the cultural model of identity.

Key words: ethnic identity; Russian ethnos; value system; attitudes; cultural model of identity; mass consciousness; sociological study; public opinion; expert survey

REFERENCES

- [1] Dvernitsky B. *Pravoslavie i samoidentifikatsija russkih v XXI veke* [Orthodoxy and Russian identity in the 21st century]. http://ruskline.ru/analitika/2015/03/04/pravoslavie_i_samoidentifikaciya_russkih_v_xxi_veke (In Russ.).
- [2] Matveeva A.I. *Duhovnaja socializatsija lichnosti kak sociokulturnaja osnova natsionalnoj bezopasnosti Rossii* [Spiritual Socialization of Personality as a Social-Cultural Basis of Russia's National Security]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [3] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Socialnoe samochuvstvie molodezhi postsocialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazahstana i Chehii): sravnitelnyj analiz tsennostnykh orientatsij (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).

* © A.A. Onosov, A.T. Gasparishvili, K. Szafraniec, 2018.

- [4] Nauchno-praktičeskaja konferentsija “Rossijskaja gosudarstvennost v XXI veke: natsionalnaja identičnost i istoričeskaja pamjat v uslovijah globalnoj konkurentсии” [Scientific-practical conference “Russian Statehood in the 21st Century: National Identity and Historical Memory in the Context of Global Competition”]. 2018. http://www.sociologos.ru/sobytiya_i_anonsy/Nauchno-praktičeskaya_konferenciya_Rossijskaya_gosudarstvennost_v_xxi_veke_1 (In Russ.).
- [5] Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Izmerenija identičnosti russkih: sociologičeskie otsenki i gumanitarnaja ekspertiza [Measurement of the Russian identity: Sociological assessments and humanitarian expertise]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2 (In Russ.).
- [6] Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Etnizatsija massovogo soznanija russkih v Moskovskom regione: ekspertnaja otsenka processa [Ethnization of the collective consciousness of Russians in the Moscow Region: An expert assessment of the process]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 3 (In Russ.).
- [7] Polujahtova S.V., Tretjakova E.S. Natsionalno-kulturnaja identičnost rossijskoj molodezhi na rubezhe vekov [National-cultural identity of the Russian youth at the turn of the century]. *Mezhdunarodnyj Zhurnal Socialnyh i Gumanitarnyh Nauk*. 2016; 1 (1) (In Russ.).
- [8] Rassadina T.A. *Transformatsii traditsionnyh russkih tsennostej v npravstvennyh orientatsijah rossijan* [Transformation of Traditional Russian Values in the Moral Attitudes of Russians]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [9] Samoidentifikatsija russkogo naroda [Self-identification of the Russian people]. 2013. <http://maxpark.com/community/13/content/2208004> (In Russ.).
- [10] Sergeev A.L. *Rossijskaja gosudarstvennost v XXI veke. Osnovnye problemy* [The Russian Statehood in the 21st Century. Key Challenges]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [11] Tsekhanskaja K.V. Globalizm i russkaja ideja: k probleme samoidentifikatsii russkogo etnosa [Globalism and the Russian idea: On the self-identification of the Russian ethnos]. *Rossija: tendentsii i perspektivy razvitija: ezhegodnik*. Moscow; 2013: 8 (II) (In Russ.).
- [12] Sirgy M.J. *The Psychology of Quality of Life*. Kluwer Academic Publishers; 2010.